

ПРОСТРАНСТВО, ВРЕМЯ И СОЦИОЭПИСТЕМИЧЕСКИЙ ТЕЗИС ДЖОРДЖА ГЕРБЕРТА МИДА¹

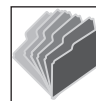
А.Ю. АНТОНОВСКИЙ

Предлагаем читателю две статьи из архива Джорджа Герберта Мида, в которых он впервые формулирует начала подхода, известного как символический интеракционизм. Мид явил собой пример мыслителя, глубоко рефлексировавшего над теоретико-познавательной методологией своей концепции. Первая задача социального теоретика виделась ему в поисках «надынстинктивных» факторов социального порядка.

Мид исходит из классической дилеммы: психический инстинкт («робинзонада») – коллективность («социальное сознание»). Вопрос первичности той или иной части дихотомии ставится им во временном смысле: что возникает раньше – уже сформировавшаяся психика (Мид называет ее самостью) принимает участие в коллективной жизни или коллективная активность только и формирует самость (self). Проблема времени лежит в основе решения основного вопроса теории социального порядка, или, в терминологии Мида, «социального сознания». Вот как эту проблему ставит сам Дж. Мид.

«Кто-то не видит в социальном сознании ничего, кроме однообразия в поведении и чувств, вытекающих из отношений мужчин и женщин; другие принимают за сознание то, что организуется посредством социальных инстинктов; иные еще ищут в медиуме коммуникации и мыслях, которые от него зависят, социальное происхождение самого рефлексивного сознания, а кое-кто обнаруживает социальный аспект человеческой природы, представляемый в виде исключительно продукта *прежде* организованной разумности (intelligence), отвечающей на определенные социальные импульсы, в то время как другие находят, что организован-

¹ Статья написана при поддержке РФНФ, проекты № 12-03-00514 и 12-03-00588.

ная разумность в форме некоторой самости способна возникать исключительно как конфронтирующая с другими самостями, которые должны существовать внутри сознания; между тем иные довольствуются тем, что признают необходимые социальные условия для генезиса воления и самости, которая сама и выражается в волении.

Но теперь очевидно, что мы не можем принять обе позиции. Мы не можем предполагать, что самость *одновременно* является и продуктом, и *предваряющим* условием социального сознания, как и то, что рефлексия возникает через социальное сознание и что социальные взаимодействия возникают будто бы потому, что человеческие индивиды несут в себе идеи и смыслы с тем, чтобы их выразить»².

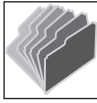
Структурное сопряжение как решение проблемы социального порядка. Решением этой дилеммы могло бы стать утверждение того, что на современном языке называют *структурным сопряжением*. Свойства одного организма или органа могут быть сопряжены с функционированием другого³, или взаимодействие людей объясняется их органическим или биологическим своеобразием, биологически определенной индивидуальностью. Так, социальная структура, скажем, разделение труда или функциональное разделение обязанностей в семье и сообществе, могла бы объясняться, например, половозрастными характеристиками. Или специфические формы поведения (например, агрессивное поведение) определялись бы особыми влечениями или инстинктами. Биологически определенная структура самости тогда *определяла* бы структуру общества: психобиологическое стремление доминировать определяло бы иерархический порядок сообщества.

Такой способ обосновать общественный порядок через структурное сопряжение со структурой психики или психобиологические детерминанты Мид отбрасывает. Данное обоснование не представляется ему достаточно фундаментальным. Психическое (инстинкты, влечения) – слишком поверхностное обоснование и объяснение социального порядка. При этом оно не является специфически человеческим. Структура инстинктов, определяющее разнообразие форм поведения и надстраивающееся над ним единство коллектива, составляет «принцип муравейника» или пчелиной семьи. Эти принципы не учитывают свободу и индивидуальность личности.

Телесность как первое решение проблемы. Как найти и базовое, и одновременно специфически человеческое основание социаль-

² Mead G.H. Social Psychology as Counterpart to Physiological Psychology // Psychological Bulletin. 1909. № 6. P. 401–408.

³ Примерами структурных сопряжений служат взаимообусловленность искусственного отбора и сельхозкультур, учителя и ученика, сознания и языка, системы права и системы политики. В каждом случае свойства одного феномена являются некоторым вызовом или стимулом для другого и взаимным образом определяют свойства этого конфронтирующего другого, причем каждое событие в истории одного феномена всегда является одновременно событием в истории другого.

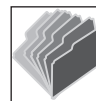
ного порядка? Мид ищет парадоксальное решение: пытается выявить факторы социального порядка, совместимые с индивидуальностью и свободой. Мид пытается объяснить фактически наблюдаемую интеграцию, согласованное групповое поведение, не апеллируя к необходимым факторам, совместить необходимость подчиняться требованиям коллективности и свободу выбора. И первое решение, как и Карл Маркс, а позже – Альфред Шюц, Мид находит в *телесности* человека, в его материальности, которая предоставляет индивиду возможности манипулировать физическими вещами – считать с самих вещей формы поведения, более фундаментальные, нежели те, что обусловлены влечениями⁴.

В общем, можно утверждать, что согласованное или коллективное поведение людей (социальный порядок, или «социальное сознание», говоря словами Мида) возможно лишь постольку, поскольку возможно согласованное «поведение» предметов или вещей.

Пространственно-временное измерение коммуникации. Что представляет собой коллективная активность как «согласованное поведение» предметов и тел? Речь идет прежде всего об их пространственно-временной координации. Итак, проблему временного приоритета между личностью (структурой индивидуальных влечений) и коллективной активностью, вопрос о том, что является первичным, Мид решает через обращение к телесности как основанию социального порядка. В своей наиболее известной работе «Сознание, идентичность, общество» Мид категорично заявляет: «Механизм человеческого состоит в том, что телесные индивиды оказывают поддержку или препятствуют друг другу в своих кооперативных действиях посредством манипуляций с физическими вещами»⁵. Предметы, вещи с их пространственными характеристиками (принуждающими вести себя соответственно с ними) требуют *кооперации* тел людей. (Скажем, основание первых государственных образований и соответствующих форм социальности было подчинено необходимости формирования обширных ирригационных систем в долине Нила, Между-

⁴ Проиллюстрируем этот тезис. Если животный инстинкт требует спонтанных движений в определенных направлениях (прежде всего прочь от опасности или в направлении добычи), то пространственная структура мира и телесность в принципе дает возможность передвигаться и в иных направлениях. В то же время вещная структура мира и тела накладывает ограничения на влечения и инстинкты. Например, реки, высокие деревья и ограниченные возможности человеческого тела служат ограничителями для реализации биологических инстинктов, если предмет инстинктивного желания (добыча или половой партнер) находится вне пределов достижимости человеческого тела. Кроме того, благодаря своей телесности человек может произвольно вмешиваться в естественные процессы, как бы нарушая их естественное, т.е. «закономерное», течение. Именно человеческое тело способно служить физическим препятствием другому человеческому телу вести себя инстинктивно и, наоборот, оказывается «инструментом кооперации» в той или иной коллективной неинстинктивной, не определяемой генетически активности.

⁵ Mead G.H. Mind, Self, Society. University of Chicago Press, 1967.

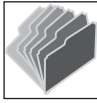
речья и т.д.) Кооперация людей всегда ориентирована на вещно-телесную координированность.

Тем самым Мид вводит *предметное* измерение поведения. Форма вещи и соответствующая форма человеческого тела определяют возможность обращения с вещами, возможную координацию поведений людей в обращении с предметами. Но речь идет пока о *пространственных* координациях поведений в отношении пространственных характеристик предметного мира. И вещь, и тело – пространственные реалии. Миду же требовалось соединить условия пространственной координации и временной порядок поведения. Ведь пространственная координация тел и вещей не только задает, но и ограничивает возможности человеческого поведения.

Жест как временное снятие предметно-пространственных ограничений. Чтобы снять предметно-пространственные ограничения поведения, требовалось соединить пространство и время. Требовалось некоторое синтетическое понятие, в котором «кодировался» бы не только пространственный порядок взаимодействия тел и вещей, но и временные последовательности поведения. Именно временная оптимизация поведения позволяет преодолевать пространственные ограничения. Мид использует понятие своего учителя Вильгельма Вундта. Понятие *жеста* (*Gebaerde*) допускает здесь возможности самой широкой интерпретации. Именно жест явился первичной формой «записи» сложных форм поведения.

Жест позволяет отказаться от сложных форм поведения, опробовать или проиграть их *виртуально*. Жест – это не совсем поведение, а скорее его *знак*. Собака скалит зубы и этим лишь *презентирует* некоторую форму поведения, а именно нападение, которое фактически никак не реализуется. Жест – это способ вести беседу, где одно изменение жеста ведет к изменению другого.

«Приближающиеся и враждебно настроенные друг к другу собаки используют такого рода язык жестов. Они ходят вокруг, рыча и клацая зубами, ожидая возможности напасть... Действие каждой собаки становится стимулом для ответа другой собаки. Значит, между ними осуществляются отношения; после того как это действие получает ответ со стороны другой собаки, оно в свою очередь подвергается изменению. Именно тот факт, что одна собака *приготовилась* напасть на другую, становится стимулом для другой собаки изменить свою позицию или свою установку. Как только одна сделала это, тотчас изменение установки во второй собаке в свою очередь заставляет первую изменить свою установку. Мы имеем дело с беседой посредством жестов. Но эти жесты не имеют смысла обозначения (*not significant*). Мы не допускаем, что собака говорит самой себе: “Если оттуда явится какое-либо животное, то оно скорее всего решит вцепиться мне в горло и мне

следует повернуть назад”. Что действительно имеет место, так это актуальное изменение в ее собственной позиции вследствие приближения другой собаки»⁶.

Итак, сущность жеста или знака заключается не только в том, что он что-то обозначает или репрезентирует, а в том, что он предлагает на выбор возможные последовательности поведения, возможности ответа на предложенное сообщение: либо ответный оскал и ответную угрозу, либо бегство и избегание коммуникации (коммуникационная функция). Жест делает возможным относительно произвольные коннекции поведенческих актов и, тем не менее, не случайным образом канализирует поведение.

Жест как временная дифференциация действия и основание произвольного отношения к внешнему пространству. Жест – начальная стадия действия, репрезентирующая *все* действие. Раннее презентует позднее, но одновременно и редуцирует это позднее, делает его избыточным. Именно благодаря жесту и дифференциации поведения на временные этапы возникает свобода выбора – продолжить «заявленное» жестом поведение или отказаться от осуществления следующего этапа. Временная дифференциация действия на ранний этап и позднюю реализацию редуцирует сложные формы поведения к их описаниям, кодам. И этот временной порядок – ключевое условие коммуникации.

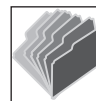
Жесты не столько репрезентируют означаемое, сколько, в смысле Соссюра, позволяют избавиться от жесткой связи с тем, на что они указывают, и с тем, что они репрезентируют. Оскал не столько сигнализирует или презентует намерение напасть, сколько задает *рамки возможных ответов на посланное сообщение*, делает возможным бифуркацию: контингентный, но ограниченный выбор между двумя ответами – ответной угрозой и бегством.

Редукция действий к жестам (и тем самым элиминация самих репрезентируемых жестами сложных форм поведения) делает возможным выход за пределы жестких алгоритмов поведения. Жест как знак делает возможным произвольное отношение к поведению, которое тем самым презентуется в модусе возможности, а не действительности.

Итак, мы видим, что для фиксации условий возможности коммуникации и социального порядка помимо пространственной координации вещей и тел Мид вводит временное измерение, используя для этого понятие жеста Вундта.

Подражание/эмоция как основание генезиса интересубъективности. Понятие жеста потребовалось Вундту для объяснения процесса взаимопонимания, эмпатии, становления общности в пере-

⁶ Mead G.H. Op. cit. P. 14, 42–43.

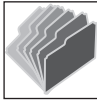

живаниях Его и Другого. Через подражание жестам, по Вундту, в партнере по коммуникации вызывалась та же самая эмоция. Подражание жестам выступало в этом концепте непроблематичным средством объяснения возникновения так называемой интерсубъективности, т.е. генерации общих значений жеста. Подражание чужим жестам вызывалось, согласно Вундту, инстинктивно. Однако Мида не устраивало это упрощение, поскольку его в целом не устраивала редукция к влечениям как средствам объяснения общения или коммуникации. Подражание как форма общения *требовало* объяснения, а не обеспечивало его.

Проблема состояла в определении *семантики жеста*, того, что является его значением. Имеет ли жест своим значением некоторое намерение, им сигнализируемое, или же под значением жеста следовало бы понимать некоторую эмоцию? И что обеспечивало понимание того, что в партнере или враге генерируется та же самая эмоция, осознание того, что жест имеет общее значение для всех участников общения?

Ответ Мида кажется простым. Интерсубъективность в приписывании жестам значений достигалась *самовосприятием*. Оскал как собственный ответ на чужое действие сигнализирует прежде всего самому зверю о формах его поведения и намерениях. И это осознание своего намерения (в виде жеста) словно отсрочивает фактическую реализацию поведения – атаку, нападение. Так, вместо мгновенной атаки, которая давала бы преимущества внезапности, зверь создает себе временной люфт. Эта задержка реакции как условие обращения к переживанию собственного жеста и явилась фундаментальным условием для появления времени на *осмысление* действия, на снятие его инстинктивно-спонтанного характера и в конечном счете – на снятие актуальных рефлекторно-генерируемых эмоций. Именно задержка реакции благодаря самовосприятию собственного жеста, отвлечение от фактически инстинктивно реализующегося поведения является фундаментальным условием (само)сознания и как следствие – интерсубъективности.

Благодаря жесту-ответу-на-жест действие становится свободным от инстинктов и того, что это жестовое поведение «обозначает». Возникает возможность и *время* на то, чтобы отказаться от уже продемонстрированного сигналом поведения. Появляется возможность сказать «нет», т.е. если не отказаться, то хотя бы отложить то, чего требует инстинкт. При этом Его прежде всего сам должен переживать значение собственного жеста, вызывать в себе соответствующую эмоцию, связанную с намерением. Только благодаря этому Его приобретает способность знать и понимать, что соответствующая эмоция и намерение вызваны в Другом. Сосредоточиваясь на своем жесте и эмоции, на репрезентанте фактически не осуществленного поведения, Его отвлекается от самого поведения и тем са-

мым преодолевает спонтанно-инстинктивный характер своих реакций.

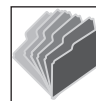
Жест как сообщение: разрыв переживаний и действий.

И все-таки на этом животном уровне жестовая коммуникация не выделена явным образом из поведения как такового. Не существует критериев, позволяющих жестко отличить оскал как сообщение о намерении атаковать и оскал как форму фактического поведения – спонтанное выражение агрессии. Ведь чтобы быть подлинным символом намерения, оскал как раз и не должен выражать спонтанную реакцию и фактическую агрессивную установку. В жест как символ изначально встроена некоторая *недоуверенность*, неистинность, имитация поведения, ведь жест обозначает некоторое потенциальное, а не актуальное поведение, апеллирует к некоторому будущему, сам таковым не являясь. Должны были появиться жесты особого рода, которые самим фактом своего осуществления свидетельствовали бы о том, что они являются именно *сообщениями*, а не спонтанной активностью, спонтанно-агрессивным поведением. Такими жестами являются голосовые жесты. То, что Мид называет «Vocal gesture», он вновь заимствует непосредственно у Вундта, введшего понятие «Lautgebaerde».

Благодаря задержке перед фактической реализацией поведения имеет место переживание жеста, т.е. *осознание* собственного будущего поведения без того, чтобы оно фактически осуществилось. В результате возникает существенный разрыв между переживанием и действием. Переживания психики теперь свободны от действий, т.е. от того, чтобы действие осуществлялось в тот же самый момент. Возникает время для *виртуализации* действия в сознании или переживании. В результате такого процесса собственно и возникает *сознание времени*, т.е. осознанное различие прошлого и будущего как условие снятия спонтанных реакций.

Такого рода осознание времени (и в каком-то смысле его возникновение) делает возможными *пространственные* дистинкции между внутренним и внешним, между жестово-вокальным общением или коммуникацией (в конечном счете обществом) и сознанием как внешней, некоммуникативной способностью. Появляется социально-коммуникативная реальность, обособленная от реальности психики. Общество теперь может пониматься как обмен или процессирование действий, куда входят прежде всего языковые действия или языковые жесты.

Обществу как такого рода языковой или коммуникативной реальности обмена действиями-сообщениями противостоит его внешний мир, окружающая природа, переживаемая сознанием, прежде всего благодаря его способностям восприятия. Это идея будет позднее разрабатываться Никласом Луманом, который интер-

претировав сознание как внешний мир общества. Возникновение психических систем, обособленных последовательностей переживаний внешнего мира и их отделение от систем коммуникативных действий, последовательностей высказываний явились результатами такой (определяемой жестами) задержки спонтанных реакций.

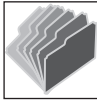
Возможности антиципации чужих переживаний: генезис Ме (социальная структура). Что делает возможным разрыв переживаний и действий? Жест, как было показано, служит фактором *предвосхищения* как собственного поведения, так и поведения Другого. Поскольку действия теперь дифференцированы на начальную и последующую стадии, они могут *тормозиться* в начальной стадии, что и разрывает автоматическую «животную» схему раздражение–реакция.

Теперь общающийся ориентирован не только на действия другого, но и на его потенциальные реакции, на его переживания, на диспозиции, которые действующий реконструирует прежде всего в самом себе и соотносит с ними свое поведение. Он ориентируется на собственные ожидания, которые локализует и в Другом.

Социальная структура: личностно-коллективные дистинкции. Уже на этом этапе Мид формулирует важное понятие *перенятия роли*. Под ролью здесь не следует понимать алгоритм или стандартизированное поведение актора. Скорее речь идет о поведении в соответствии с некоторой суммой ожиданий Другого, деятельности по предвосхищению будущих реакций Другого на предполагаемое действие некоторого Ego. Эти ожидания суть не что иное, как социальная структура.

Всякая структура определяется некоторой формой, выступающей ориентиром для поведения и общения. Такими формами могут быть различия свой/чужой, раньше/позже, здесь/там, действие/переживания и т.д. На поверхности находится различие Я и Другого Я. Все, что говорится и делается, ориентировано либо на собственные действия и переживания Ego, либо на переживания и действия Другого Ego. Но это различие может специфицироваться. На каждой стороне указанной дистинкции возможны дальнейшие, если так можно выразиться, «подразличия». Прежде всего речь идет о дистинкциях между *те* и *И*: во всяком Ego и Другом Ego локализованы собственные I и Me. Зачем же Миду потребовалось удваивать и даже мультиплицировать эти различия в различениях? На наш взгляд, ему нужно как-то локализовать влечения и инстинкты, которые он всеми силами старался вытеснить из предметного поля социальной теории, но которые, очевидно, тем или иным способом реализованы в обществе.

Итак, этапы развития человеческой личности сводятся к следующим.

1. На основе своей телесности (пространственного различия внутреннее/внешнее, тело/вещь) человек приобретает способность воспроизводить (и ориентироваться на) формы пространственного поведения вещей и предметов, учитывает пространственные характеристики мира. Благодаря телесности он учится различать между дальним и ближним, внутренним и внешним и т.д. безотносительно к инстинктам, заставляющим двигаться и действовать (внутренним образом!) заданных направлениях. (Сходным образом в концепции децентрации Ж. Пиаже детское Я поначалу находится в центре мира, но в процессе «децентрации» окружающие вещи и окружающие люди получают собственное – независимое от Я – значение.) Я, определяемое индивидуальными желаниями и влечениями, вынуждено образовывать свою активность с независимыми переменными. Это освобождает индивида от доминирования в нем природно-определенных «животных» процессов, но и подчиняет его пространственному порядку.

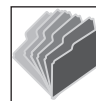
2. Благодаря возникновению способности ориентироваться во времени, различать прошлое и *будущее* поведение человек дистанцируется от пространства, от той пространственной структуры, которую предлагает мир вещей и предметов. Он получает способность предвосхищать будущие события, ориентируется не только на актуально данные в пространстве действия Другого, но и на собственные ожидания и переживания будущих действий и переживаний. Возникают жесты, лишь произвольно связанные с обозначаемой ими реальностью и согласующиеся лишь с другими жестами. В конечном счете человек конструирует в своем сознании ожидания Другого и, идентифицируя их с самим собой (самостью), подчиняет себя им.

3. Благодаря внутреннему различению I/me человек высвобождает себя от обязательств, накладываемых внутренними социально обусловленными самоограничениями. Он получает свободу создавать новое.

Эта логика развития личности представлена в его наиболее известной работе «Дух, идентичность и общество». На этом мы собственно могли бы и закончить. Однако в конце жизни Мид существенным образом перерабатывает свои идеи в труде «Философия действия»⁷, опубликованном посмертно.

Вместо заключения. Универсальное понятие действия и социоэпистемология вещи. Мид формулирует концепцию, которую можно было бы обозначить социоэпистемологией вещи. Его интерес смещается к новым проблемам, которые впоследствии будут разрабатываться в феноменологии, в теориях инструментального и коммуни-

⁷ Works of George Herbert Mead. Vol. 3. Philosophy of the Act. University of Chicago Press, 1972.

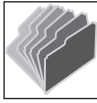

кативного действия. Мид создает общую теорию действия безотносительно к его специфически человеческой реализации. Такое действие оказывается своего рода бэкграундом, на фоне которого будет эксплицировано специфически человеческое действие. Основное понятие «принятие роли Другого» сохраняется, но теперь переносится на предметный мир.

Действие концептуализируется как состоящее из четырех стадий, или элементов: *импульса*, побуждения к действию, мотива; вызванного этим *восприятия* желаемого объекта; *манипуляции* с объектом; *удовлетворения* от потребления предмета. Эти элементы характерны для любых действий, в том числе животных. И вновь критериальным для определения специфически человеческого действия оказывается время. Животные осуществляют все эти элементы действий практически *одновременно*. Ощущают импульс, воспринимают, манипулируют и удовлетворяют этим потребность. Человек же научился *разводить во времени* или разбивать на этапы восприятие, манипуляцию и удовлетворение.

Манипуляция предметами, т.е. их подготовка для консумации, и само наслаждение от потребления как фиксация завершенности действия осуществляются последовательно. Если удовлетворение подчиняется инстинктам и определяется ими, то манипуляция с предметами выводится из-под власти влечений и гратификации. Манипуляция оказывается тем самым промежутком, где возможно свободное от «страстей» осмысление предмета. Манипуляция, будучи инструментальным воздействием на предмет, обособливается как самостоятельный процесс, существо которого состоит во взаимодействии *руки* и *языка*. Этот промежуток (отсрочивание потребления) играет ту же функциональную роль, которая раньше отводилась жесту как средству снятия непосредственной, спонтанной, инстинктивно-обусловленной реакции.

Функция языка как негенетической записи манипуляций. Функция руки в процессе манипуляции сводится к воспроизводству и измерению пространственных структур вещи. Но эти пространственные структуры не могут «записываться» генетически. Животные действия «записываются» генетически – тем, что некоторые стандартные формы поведения сопровождаются непосредственной гратификацией, инстинктивным удовлетворением: поглощение пищи, агрессия, половой акт. Но как записать те формы, которые воспроизводит рука, манипулируя с вещью, воспроизводя ее конфигурации и изменяя ее? Именно язык становится такой формой записи. Язык понимается как способ аккумуляции опыта контактов руки и вещи, не обеспечивающей прямой гратификации, удовлетворения, а значит, позволяющей дистанцироваться от спонтанности (мгновенности) реакции. Возникает разрыв во времени между непосредственным удовлетворением от результата действия и его манипуляционной стадией.

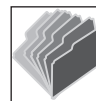

Дистантные чувства и несоизмеримость восприятия и манипуляций. Паузы между импульсом, восприятием, манипуляцией и удовлетворением от потребления все больше удлиняются во многом потому, что вступают в дело пространственные чувства: зрение и слух. Они фиксируют дистанции и сообщают сознанию о препятствиях для установления прямого контакта руки и вещи, о несоизмеримости многообразия зрительных восприятий вещей и многообразия возможных и желаемых манипуляций. Итак, человек отличается от животного в своем переживании времени. Восприятие животного требует мгновенно действовать – убежать или броситься в атаку. Реалии в визуальном поле животного требуют мгновенной и непосредственной поведенческой реакции. У человека репертуар возможных контактов с вещью благодаря руке несоизмеримо шире, многообразие его восприятия вещей не получает непосредственного ответа в многообразии манипуляций с вещью. Требуется время для согласования этих двух массивов возможностей – манипулятивных возможностей руки и поведения воспринимаемых вещей. Но как согласовать эти массивы возможных восприятий и возможных манипуляций?

Перенятие роли вещи как решение проблемы несоизмеримости. Для ответа на этот вопрос Мид возвращается к своему главному понятию. Но если раньше речь шла о представлении себя в роли Другого, то теперь ведущая роль отводится человеческой способности проигрывать роли вещей. Воспринимая ее, он воспроизводит в себе самом и, следовательно, предвосхищает ее поведение, ее способность падать, летать, быть тяжелой и плотной, осуществлять давление на человека – допускать те или иные манипуляции с ней. Здесь Мид пользуется кантовской постановкой проблемы, спрашивает о том, что является условием возможности антиципации поведения вещи.

Итак, условием инструментальных операций с вещью оказывается способность, ответственная за *социальное* поведение человека, – способность перенимать чужие роли. Чувственные восприятия синтезируются благодаря социальной конституции вещи, благодаря тому, что вещи, особенно в детском возрасте и у примитивных народов, воспринимаются как живые партнеры людей, роли которых можно играть. Вывод, к которому приходит Мид, состоит в следующем: мы познаем вещи благодаря тому, что наделены коммуникативной способностью перенимать роль Другого, неважно, является ли он предметом или человеком. Инструментальное действие с вещью становится возможным благодаря коммуникативному действию как более фундаментальному вследствие «общения» с вещами.

Именно такая интерпретация позволяет Миду сформулировать социоэпистемологический тезис: наблюдение и познание вещей воз-

можно исключительно потому, что мы общаемся с предметами, наделяем их способностью вести себя в качестве наших партнеров. Вещи наделяются Мидом собственной перспективой, и поэтому человек способен выйти за пределы собственной точки зрения, определенной пространственным положением его собственного тела, и посмотреть на мир из перспективы противоположащего предмета, как бы наделенного собственными формами поведения и восприятия. Перенятие чужих ролей делает возможным самоидентификацию и универалистский взгляд на мир, понимание того, что каждая вещь имеет другую сторону, доступную другим наблюдателям.